

Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 7, № 1 (25). С. 21–27.

УДК 9.93/94

DOI 10.24147/2312-1300.2020.7(1).21-27

Е. И. Михайленко

ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА СИБИРСКОГО ЧИНОВНИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)

Рассматриваются основные теории образа в исторической науке, механизмы его создания и возможности при конструировании образа чиновника. Разграничиваются понятия образа и стереотипа. Предлагаются методы для поиска образа чиновника и оценивается роль различных составляющих этого образа.

Ключевые слова: образ; чиновник; стереотип; сибирское чиновничество; Российская империя.

E. I. Mikhaylenko

PROBLEMS AND POSSIBILITIES OF IMAGE CONSTRUCTION IN HISTORICAL SCIENCE (ON THE EXAMPLE OF AN IMAGE OF A SIBERIAN BUREAUCRAT OF THE RUSSIAN EMPIRE)

The article deals with the basic theories of the image in historical science, the mechanisms of its creation and the possibility of constructing the image of a bureaucrat. The concepts of image and stereotype are distinguished. The author proposes methods for searching for the image of a bureaucrat and assesses the role of the various components of this image.

Keywords: image; bureaucrat; stereotype; a Siberian bureaucracy; the Russian Empire.

В начале XXI в. возник вопрос о перспективах исторической науки в новом столетии, появились новые подходы и методологические повороты. Именно в процессе этой модернизации научных парадигм произошло обращение к исследованию прошлого не как реальности, а «исследованию образов прошлого в историческом сознании» [1, с. 8]. Историки ведущих направлений и научных школ увидели в этом отголоски «вызовов постмодернизма».

Что же подразумевает под собой понятие «образ»? В словаре Даля приводятся шесть возможных дефиниций данному слову [2, с. 562]: вид, внешность, фигура, очертанье, подобие предмета и изображение его; род, вид, дух, направление, сущность; обра-

зец или пример; способ или средство; порядок, расположение, устройство; портрет, подобие чьё, писаное лицо. В Новой философской энциклопедии под образом в современной науке предлагают понимать «символически-образные представления, фикции, математические модели ненаблюдаемых процессов» [3, с. 57], а также отмечается, что образ отражает рефлексию науки. В словаре психологии образ представляется субъективной картиной мира или его фрагментов, представленность предметов внешнего мира, воспринимаемого через чувства и разум, а также включающего в себя «самого субъекта, других людей, пространственное окружение и временную последовательность событий» [4, с. 303]. И, наконец,

исторический словарь трактует образ как «результат и идеальную форму отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека» [5].

Таким образом, мы можем говорить о том, что, понятие «образ» наиболее связано с чувственным познанием человека, а значит, и встречается наиболее часто в искусстве и литературе, психологии. Из философии пришло понимание образа как отражения мира через определённые мыслительные процессы и умозаключения, включающие в себя построение неких конструкций. Ключевой момент создания образа – столкновение человека с чем-либо, т. е. от некоего субъекта / события / факта / персонажа через восприятие посредством органов чувств или мыслительных процессов – к «отпечатку», т. е. отражению этого «изначального» в сознании субъекта. Причём образы могут представлять собой как некий идеальный мир, так и сугубо субъективный вариант восприятия источника образа, а также их можно подразделить на художественные, визуальные, мыслительные и, наконец, исторические. Получается, что в случае употребления понятия «образ» необходимо представлять наличие источника образа, призмы восприятия и итогового «носителя образа».

В историческую науку понятие «образ» вошло в конце XX в., отражая «логику развития исторических явлений и процессов» [6, с. 153]. Заимствовав термин из смежных гуманитарных наук, история до сих пор не создала своего собственного понятия образа, специфического для нашей науки. При этом изучение образов является одним из последствий антропологического поворота, который побудил историков заниматься помимо событий, явлений и процессов – исследованием «второй реальности» [7, с. 5], которая существовала в сознании людей прошлого и включает в себя ментальность, категории культуры, миры воображаемого, картины мира и др.

Образы как объекты исторического исследования, по мнению Ю. Р. Ковтуновой, прошли несколько «ключевых исторических поворотов» [8, с. 92]. Школа анналов, первой с теоретической точки зрения пересмотревшая позицию историка, сформировала ценность творческого процесса в исторических исследованиях. Следующий за данным эта-

пом XX в. принёс понимание того, что исследователи «не воссоздают историческую реальность, а лишь создают образ реальности, своё представление о ней» [8, с. 91], и в данном случае образ – это конструкт исторического прошлого, который сильно зависит от самого исследователя, так как только он ограничивает круг источников, а значит, и возможные варианты создания образа. Третий, «лингвистический», поворот, разграничивший историю и литературу и снизивший «научность» истории, актуализировал и вопрос о том, что образ – это ещё и то, что современные люди думают о прошлом. Четвёртым поворотом стало появление понятия «исторической памяти», которая несёт в себе некую конгломерацию исторических образов и детальное внимание к принципам функционирования человеческой памяти. На рубеже XX–XXI вв. произошёл информационный поворот, который предполагает не просто научный поиск исторических образов, но и активное использование фото- и видеоисточников в процессе познания.

Под образом прошлого Л. Н. Мазур понимает «устойчивую абстрактно-символьную модель исторической реальности, которая представлена в массовом сознании» [9, с. 282] и структура которой включает три элемента: знак / имя (семиотическую сторону), форму / описание (внешнесобытийную сторону) и пространство образа (систему, в которой он существует). Таким образом, Л. Н. Мазур выделяет три возможных вида исторических образов: эталонные, типичные и уникальные [10, с. 244].

Образ прошлого в сознании людей выступает одним из базовых элементов исторической памяти, в связи с чем является представлением об исторических событиях или процессах, которые с течением времени и познания трансформируются в некий определённый устойчивый код. Через память образ может состоять как из научной, так и ненаучной информации, так как обращается к эмоциям в сознании, и его основной функцией становится объяснение прошлого. Такой образ метафоричен и эмоционален, он влияет на создание групповой идентичности общества. Из-за такой специфики образ может переродиться в миф, «становясь его центральным элементом» [11, с. 184].

В современных исследованиях особую роль занимает связь образа и идентичности – персональной и коллективной, исходя из того, что «социальные группы конструируют свои образы мира, устанавливая некие согласованные версии прошлого», «что эти версии устанавливаются посредством коммуникации» [12, с. 11], а «за всяким образом стоит событие, коммуникация, система отношений, делающая образ воспринимаемым» [13]. Изучение образов реальности в сознании людей прошлого трактуется как «ключ к пониманию идентичности самих этих людей» [7, с. 6].

О. Б. Леонтьева выделяет следующие категории образов, наиболее часто встречающихся в исторических исследованиях: образ-стереотип, художественный образ, образ прошлого, «официально-пропагандистский образ», образ личностно-бытовой, образ-архетип, мифологизированный образ [7, с. 8]. В зависимости от используемой конструкции, изменяются носитель образа и транслятор. Вообще, в трудах данного исследователя присутствует формула создания образа «Образ X в сознании / восприятии / исторической памяти Y» [7, с. 4]. Соответственно, в зависимости от целей исследования, две неизвестные преобразуются, закрепляя «источник» образа и его «отражатель». В качестве источника могут выступать образы региона, конкретные исторические личности, визуальные образы, образы Другого (чаще всего врага). «Отражателями» образа обычно становится некая социальная группа или общество на разных этапах его развития. Изучать образ личности, например, можно через запечатление этого образа у современников либо у потомков. В данном случае, применяя «отражатель» к российскому обществу, мы вновь выходим на понятие идентичности. Изучая элементы ментальности российского общества на разных этапах его развития, мы пытаемся приблизиться к пониманию нашего сегодняшнего дня. В таком случае исторический образ становится своеобразным «мостом» между прошлым и настоящим. И конечно, нам становятся, в основном, интересны и доступны лишь те части этого моста, которые всё ещё присутствуют в нашем сознании и как раз являются той самой идентичностью. Те же элементы, которые явля-

ются по каким-либо причинам утраченными, более сложны для изучения, понимания и восприятия. Трансформация образа, его изменение автоматически говорит об изменении «отражателя», выступает своеобразной лакмусовой бумажкой, показывающей изменения, происходящие под гнётом политических, экономических или духовных процессов, в обществе или науке.

Применяя формулу О. Б. Леонтьевой к теме нашего исследования, мы можем сказать, что «источником» образа служит «сибирский чиновник Российской империи», а «отражателем» – российская историческая наука в период её антропологического поворота. Образ в нашем понимании состоит из комплексного представления о том, каким был чиновник: составляющей частью его становится социокультурный портрет, включающий некоторые объективные характеристики и их трансформацию с течением времени, представления о службе в Сибири в нормативно-правовых документах, понимание положения сибирского чиновника в Российской империи в целом. «Отражатель» показывает нам в таком случае изменение отношения к этому образу, его трансформацию в условиях изменения исследовательской парадигмы, т. е. если в советских исследованиях П. А. Зайончковского [14], А. В. Елпатьевского [15], С. В. Мироненко [16], Л. Е. Шепелёва [17] и др. рассматривается чиновник как часть системы дореволюционного государственного устройства, то под влиянием антропологического поворота «чиновник» требует большего обращения к личности, мотивации и заинтересованности в труде, представителям чиновников, разрушающих общественные стереотипы (к примеру, анализируемые нами чиновники, занимающиеся общественной и научной деятельностью).

Познавая образ чиновника, мы отчасти реконструируем его, составляем из имеющихся данных в определённой связи и последовательности. Социальная реконструкция, по мнению Л. Н. Мазур, – это «процесс создания проектируемого объекта в соответствии с научно обоснованными идеальными представлениями» [18, с. 149]. В течение этого процесса мы, помимо самого чиновника, отчасти касаемся в целом «образа власти»,

так как чиновничий аппарат являлся по сути теми, кто эту власть непосредственно осуществлял. Через разбор образа чиновника можно выйти на понятие идентичности отношения российского общества к чиновничеству и идентичности группы чиновничества как таковой или сконструировать идентичность общества через понятие «чиновник». Конструирование идентичности представляет собой ещё более сложный процесс, который, в контексте изменяющихся ситуаций, подвержен воздействию разнонаправленных сил и случайностей. В этом процессе «образы проходят процедуру стереотипизации, взаимодействуют с обветшавшими, но живучими старыми мифологемами, способными актуализироваться в новых исторических обстоятельствах» [1, с. 9]. В нашем случае – образ чиновника всегда интересовал общество. Само слово «чиновник» уже обладает некоторым негативным стереотипом в сознании российского общества, причём неважно, к какому периоду это общество принадлежит.

Разбираясь в определениях понятия исторического образа, стоит разграничить его со стереотипом. Зачастую «застывшие образы» и являются стереотипами. Формируемый конструкт передаётся из поколения в поколение, преодолевая временные эпохи, и превращается в стереотип. Применительно к чиновникам, мы можем сказать, что понимание чиновника как бюрократа, всячески препятствующего людям, является уже стереотипом, формируя негативный образ его как в дореволюционной классической литературе, так и в сознании современного российского общества. Однако, стереотип и образ имеют некоторые значительные отличия. По мнению О. С. Поршневой и А. В. Голубева, «образы... отличаются от стереотипов полнотой, большей гибкостью, меньшей эмоциональной составляющей; они включают в себя, как правило, личный опыт, и возникают в индивидуальном порядке, а не передаются готовыми, как стереотипы» [19, с. 9–10]. Если вернуться к пониманию образа как столкновения источника и «отражателя», можно сказать, что образы более различны, вернее, количество образов намного выше количества стереотипов. Каждый отпечаток источника становится уникальным образом, при их повторении рождается типичный об-

раз, при многократном повторении типичного образа возникает стереотип. Однако некоторые исследователи склонны отождествлять образ и стереотип [20, с. 9]. На наш взгляд, «исторический образ» и «стереотип» представляют собой разные социальные конструкции, которые нельзя признать взаимозаменяемыми. Применительно к понятию чиновника, образ одного из чиновников или опыта личного общения с ним (например, генерал-губернатора Н. Г. Казнакова) может быть уникальным, и тогда следует применять понятие «исторический образ». Когда же мы говорим о «низком материальном положении чиновника», информация о котором содержится как в мемуарах, так и в литературе, и в результатах социокультурного анализа, – можно приравнять, по нашему мнению, к понятию «стереотип».

В зависимости от способов формирования образов мы можем подразделить их на некоторые категории: визуальный или нарративный, художественный, мифологизированный, официальный. Ключевым маркёром разделения образов выступает форма представления источника образа – выражен он в виде картины, нормативно-правового документа, художественного произведения и т. д. Причём для исторических исследований этот источник может стать одновременно и «отпечатком». Например, с одной стороны, мы можем исследовать образ какого-либо явления в жизни людей по картине, написанной в определённый временной этап, в сознании современников, а с другой, – восприятие данной картины в настоящее время и, соответственно, трансформацию образа (и следующую из этого трансформацию идентичности общества и т. д., так как речь идёт об историческом образе). То же самое можно говорить о литературных произведениях и иных источниках. По мнению О. Б. Леонтьевой, наиболее разработанными с теоретико-методологической точки зрения источниками формирования образа в истории являются визуальные образы [7, с. 13]. Нарративные образы, в отличие от визуальных, через рефлексию исследователя могут казаться простыми, однако их создание предполагает длительный подготовительный этап. Например, для воссоздания «образа Сибири» в исследовании Н. Н. Родигиной

производился «сплошной просмотр годовых комплектов журнала» [21, с. 263] для вычленения речевых конструкций и воздействий стратегии создания текста на языковые средства и стилистику, используя количественные методы анализа материала, с помощью чего выделялись приёмы, используемые в нарративных источниках для конструирования образа.

В идеале для создания полноценного образа необходимо привлекать как можно большее количество разнохарактерных источников и соединять анализ визуальных и нарративных образов. Однако, в связи со спецификой исследования, мы используем только последние.

Как приступить к реконструкции образа? О. Б. Леонтьева считает, что для этого необходимо чётко определить теоретико-методологическую сторону исследования и составить «вопросник». Применяя к нашему исследованию такой подход, мы можем предложить следующий план реконструкции.

В поиске образа чиновника мы отталкиваемся от положения чиновников, т. е. их социокультурного портрета. Причём, не забывая об их личностях, мы пытаемся найти уникальные случаи и сопоставить их со «статистически средним» положением по определённым категориям. Используя не только профессиональные, но и социокультурные характеристики, мы можем сформировать некоторый образ социальной группы сибирского чиновничества, подразделить их на определённые категории по разным основаниям и представить «срез данных» благодаря нормативно-правовому источнику – формулярным спискам.

Следующим этапом становится поиск в массиве обобщённых данных «особенных случаев» – выявление среди чиновников тех, кто был сосредоточен не только на службе, и оценка роли занятий общественной и научной деятельностью на их облик в глазах современников и потомков. Следующим звеном в этой цепи будет понимание полезности «чиновничьей службы» для деятельности общественной или «научной деятельности» для государственной службы.

Итоговым третьим этапом становится понимание принципов конструирования образа чиновника на одном примере – генерал-

губернатора Н. Г. Казнакова. Биографий обычных чиновников, по которым можно было бы оценить принципы конструирования в каждом отдельном случае, нет в исторической литературе. Пишут только «о великих». Но на примере одного человека можно понять основополагающие плюсы и минусы чиновника как профессионала, выделяемые современниками и исследователями.

В зависимости от изменения «уровня» для поиска образа чиновника меняются и механизмы – от статистических подсчётов со сплошным прочтением формулярных списков – до поиска определённых семантических конструкций в нарративном источнике. Представляя исторический образ, так или иначе «исследователь воссоздаёт лишь результаты его рефлексии, отдельный аспект точной копии исторической реальности» [8, с. 92].

Понятие образа, так знакомое нам по художественным произведениям, вполне может быть применимо в исторической науке, создавая особенный пласт – научного образа, формируемого не чувственным, а рациональным познанием. Однако даже такой научно сформулированный образ может стать предметом художественного творчества. В ходе «сплошного прочтения» различных нарративных источников о чиновниках на просторах интернет-пространства нами было обнаружено художественное произведение в жанре научной фантастики, в котором представлен образ советников Главного управления Западной Сибири. В книге Андрея Дая¹, повествующей о приключениях современного чиновника, попавшего в 1860-е гг., происходит знакомство с чиновниками Западной Сибири, и о каждом имеются некоторые биографические заметки. Этот литературный текст обладает достаточно точными данными об их статусе, опыте деятельности, семейном положении. Дополнительно он предлагает определённый образ восприятия чиновников, оценку их положения в обществе, причём эта оценка уникальна, поскольку даётся с точки зрения тоже чиновника – нашего современника, попавшего в прошлое. Это наглядный пример создания социальной реконструкции идентичности российского общества, в частности – группы чиновников. На наш взгляд, тот факт, что образы чиновников могут ста-

новиться объектом художественного творчества (которое накладывает свой отпечаток, становясь одновременно новым источником образа), говорит об актуальности изучения нашей темы и перспективах исследования исторических образов для использования их в смежных дисциплинах, а также творческой деятельности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Дай А. Поводырь. Орден для поводыря. Столица для поводыря. – URL: https://books.google.ru/books?id=N_dmDwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 14.06.2019).

ЛИТЕРАТУРА

1. Репина Л. П. Память о прошлом // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. – М. : Кругъ, 2008. – С. 7–18.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М. : Тип. Лазар. ин-та вост. яз., 1865. – Т. 2. – 660 с.
3. Новая философская энциклопедия. – М. : Мысль, 2000. – Т. 3. – 692 с.
4. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, акад. В. П. Зинченко. – М. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 632 с.
5. Исторический словарь. – URL: http://mirslovari.com/content_his/obraz-4227.html (дата обращения: 14.06.2019).
6. Лаптева М. П. Специфика терминологического пространства исторической науки // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л. П. Репиной. – М. : Изд-во ЛКИ, 2012. – С. 152–164.
7. Леонтьева О. Б. Образы исторической реальности в современной отечественной историографии // Историческая экспертиза. – 2015. – № 2 (3). – С. 4–19.
8. Ковтунова Ю. Р. Образ как объект исторического исследования // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2014. – Т. 14, № 4. – С. 91–93.
9. Мазур Л. Н. Образы сельской истории в советском художественном кинематографе 1920–1991 гг.: опыт количественного анализа // Диалог со временем. – 2013. – № 43. – С. 282–302.
10. Мазур Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2 (102). – С. 243–256.
11. Боннел В. Иконография рабочего в советском политическом искусстве // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. – М., 2009. – С. 183–214.
12. Репина Л. П. Образы прошлого в памяти и в истории // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / отв. ред. Л. П. Репина. – М., 2003. – С. 9–18.
13. Чеканцева З. А. Эпистемология исторического образа на рубеже XX–XXI вв. // История : электрон. науч.-образоват. журн. – 2013. – Т. 4, вып. 2 (18). – URL: <http://history.jes.su/s207987840000488-5-1> (дата обращения: 14.06.2019).
14. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. – М., 1978. – 288 с.
15. Елпатьевский А. В. Документирование прохождения государственной службы в Российской империи XVIII – начала XX века // Труды ВНИИДАД. – 1974. – Т. 5, ч. 1. – С. 146–205.
16. Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. – М. : Наука, 1989. – 240 с.
17. Шепелёв Л. Е. Чиновный мир России: XVIII–XX вв. – СПб., 2001. – 520 с.
18. Мазур Л. Н. Теории социального проектирования как инструмент исторического исследования: проблемы адаптации понятийного аппарата // «Стены и мосты – VI»: практика междисциплинарных исследований в истории. – М. : Изд-во РГГУ, 2018. – С. 144–159.
19. Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. – М., 2011. – 392 с.
20. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М., 2006. – 287 с.
21. Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. – Новосибирск, 2006. – 343 с.

Информация о статье

Дата поступления
3 июля 2019 г.

Дата принятия в печать
3 марта 2020 г.

Сведения об авторе

Михайленко Елизавета Ивановна – преподаватель Университетского профессионального колледжа при ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Article info

Received
July 3, 2019

Accepted
March 3, 2020

About the author

Elizaveta I. Mikhaylenko – Teacher at University Professional College of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Адрес для корреспонденции: 644031, Россия,
Омск, ул. 10 лет Октября, 195/18
E-mail: elizaveta-mihailenko@mail.ru

Postal address: 195/18, 10 let Oktyabrya ul.,
Omsk, 644031, Russia
E-mail: elizaveta-mihailenko@mail.ru

Для цитирования

Михайленко Е. И. Проблемы и возможности конструирования образа в исторической науке (на примере образа сибирского чиновника Российской империи) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 7, № 1 (25). С. 21–27. DOI: 10.24147/2312-1300.2020.7(1).21-27.

For citations

Mikhaylenko E.I. Problems and Possibilities of Image Construction in Historical Science (on the Example of an Image of a Siberian Bureaucrat of the Russian Empire). *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2020, vol. 7, no. 1 (25), pp. 21-27. DOI: 10.24147/2312-1300.2020.7(1).21-27 (in Russian).